

Н. А. Самойлов, М. В. Ходяков, Д. Г. Янченко

Научный семинар в Пекине, посвященный столетию Октябрьской революции 1917 года

***Самойлов Николай
Анатольевич***

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

***Ходяков Михаил
Викторович***

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

***Янченко Денис
Геннадьевич***

кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

23 мая 2014 г. в Санкт-Петербурге ректором СПбГУ Н. М. Кропачевым и Президентом Народного университета Китая (далее — НУК) Чэнь Юйлу был подписан меморандум о намерении создания совместного исследовательского центра. Его торжественное открытие состоялось 2 сентября 2015 г. в Пекине с участием вице-премьеров РФ О. Ю. Голодец и КНР Лю Яндун. Основными задачами Центра являются: изучение России и Китая, истории и современного состояния российско-китайских отношений; совместная подготовка кадров; развитие культурного обмена и продвижение российской культуры в Китае.

В рамках работы Центра планируются: проведение компаративистских исследований политических, экономических и правовых систем России и Китая; обмен научно-педагогическими работниками, студентами и аспирантами; подготовка и реализация совместных образовательных программ; экспертная деятельность; организация конференций, семинаров, круглых столов и культурных мероприятий. Центр участвует в разработке совместных магистерских программ в области экономики и юриспруденции, к его работе привлечены ведущие эксперты и ученые России и Китая.

Центр формирует платформу для культурного обмена между Китаем и Россией таким образом, чтобы всесторонне пропагандировать русскую культуру и искусство, расширять политический, экономический и культурный обмен и сотрудничество двух стран.

На сегодняшний день Центр осуществил перевод на китайский язык и издание книги «*Russian law in brief*». В издательстве СПбГУ на русском языке издан перевод книги директора Центра, профессора НУК, доктора экономических наук Гуань Сюэлин «Политэкономия Владимира Путина», написанной совместно с Чжан Мэном.

В 2016 г. Центр существенно увеличил и расширил масштабы своей деятельности. В научных мероприятиях Центра принимает участие около 50 чел. (ученые из Народного университета и других учреждений Пекина). Работа ведется по секциям: политика, экономика, право, литература и др. Центр имеет свой сайт на китайском языке, где подробно освещается его деятельность. В 2017 г. запущена русская версия сайта Центра: <http://rus.ruc.edu.cn/ru/>.

Научные мероприятия Центра проходят один-два раза в месяц. Не было обойдено вниманием и эпохальное событие всей новейшей истории России — юбилей Великой российской революции 1917 г. 5 июня 2017 г. в Народном университете Пекина состоялся круглый стол, посвященный столетию Революции. В его работе приняли участие историки Санкт-Петербургского государственного университета, а также историки, экономисты, политологи, представлявшие различные научные и учебные заведения Пекина.

Российские участники круглого стола в Пекине (слева направо: Д. Г. Янченко, П. И. Рысакова, Н. А. Самойлов, М. В. Ходяков, Н. И. Богомазов)

Открывая заседание круглого стола, профессор **Ван Сяньцзюй** (Центр изучения России НУК и СПбГУ) сказал, что проводимая встреча специалистов Пекина и Санкт-Петербурга посвящена важнейшему событию новейшей истории — столетию Октябрьской революции в России.

Приветствуя участников круглого стола и особенно друзей из России, директор Института социального развития стран Европы и Азии при исследовательском центре Государственного совета КНР, бывший посол КНР в России (1995–1998 гг.) **Ли Фэнлинь** высказал свои соображения по поводу юбилея Октябрьской революции.

При этом он подчеркнул, что в России существуют различные оценки этого исторического события, но роль Революции все-таки недооценивается. Октябрьская революция сравнима с Великой Французской революцией, поэтому ее можно назвать Великой русской революцией. Все дело в том, что Советский Союз (новое государство, которое добилось огромных успехов внутри страны и на международной арене) в итоге распался. Но почему такое случилось — это отдельная тема. Докладчик выразил свое согласие со словами президента РФ В. В. Путина, который как-то заметил: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет совести».

Если говорить об историческом значении Октябрьской революции, то в советское время ее называли Великой Октябрьской социалистической революцией, подчеркивая ее социалистический характер. По мнению Ли Фэнлиня, с позиций прошедшей истории и сегодняшнего дня этого недостаточно. Октябрьская революция по своему масштабу и влиянию на мировые события гораздо шире, чем просто противостояние социализма и капитализма. Главное значение Октябрьской революции состоит в том, что она изменила расстановку сил в мире, покончила с монархией в России и с монополией на руководящую роль в мире ведущих западных стран, представила альтернативу, иную модель развития. И таким образом, социализм из теории стал реальностью. На этом пути были и успехи, и горечи неудач. Во всяком случае, это был опыт (эксперимент) социалистического устройства государства.

Спустя много лет, когда Дэн Сяопин беседовал с М. С. Горбачевым, китайский лидер сказал: мы не знали, что такое социализм и тем более как его нужно строить, и мы не можем требовать от классиков марксизма ответы на вопросы, возникшие 100 лет спустя после них. Нужно творчески подходить ко всему наследию классиков марксизма.

По словам Ли Фэнлиня, «если взять развитие государства — Советского Союза, то мы не можем не отметить, что Советский Союз за короткое время осуществил модернизацию, индустриализацию, стал одной из сверхдержав. А если взять Вторую мировую войну, то решающая роль в ней СССР очевидна. Это исторический факт, который никто в мире не может отрицать. Если рассматривать международный аспект, то после того, как был создан Советский Союз, мы помним, как бурно развернулось национально-освободительное движение во всем мире, началась деколонизация. Сколько стран, бывших колоний, стали самостоятельными государствами!»

Далее он отметил, что в ходе строительства СССР была заплачена высокая цена, и все это необходимо оценивать исторически; с исторических позиций нужно оценивать и то, что было сделано в Советском Союзе, чтобы отчетливо увидеть его вклад в развитие человечества.

Характеризуя российско-китайские отношения, Ли Фэнлинь заметил, что оценка китайцами Октябрьской революции хорошо известна. Все историки знают высказывания Мао Цзэдуна: «Залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм», «Идти по пути русских» и т. д. «Это классическая оценка, и она остается в силе. У нас в Китае нет разногласий по этому поводу», — отметил Ли Фэнлинь. Октябрьская революция — время, когда передовые китайцы определяли пути развития страны; это был тяжелый период. Шел поиск выхода из кризиса через

развитие науки, индустрии, предлагалось что-либо взять у Запада, у Японии и т. д. В такое трудное время произошла Октябрьская революция в России, она сравнима с лучом света во тьме. И конечно, передовые китайцы того времени, в том числе Мао Цзэдун, пришли к тому, что нужно идти по пути русских. В итоге китайские коммунисты победили в своей Гражданской войне. Причем сама Компартия Китая была создана при помощи Советского Союза, Коминтерна. Несмотря на то что в ходе гражданской войны Мао Цзэдун и его команда действовали иногда вопреки указаниям Коминтерна, в победе коммунистов была большая заслуга Коминтерна и, конечно, Советского Союза.

Характеризуя отношения между СССР и Китаем в следующие годы, докладчик отметил, что после создания Китайской Народной Республики в 1949 г. Китай стал ориентироваться на Советский Союз: «У нас среди ученых были споры о том, как оценивать такое решение. Я могу высказать свое мнение: это был единственно правильный выбор в то время, когда существовали два лагеря, которые противостояли друг другу. И Китай не мог выбрать другой вариант». По мнению Ли Фэнлиня, в области государственного строительства Китай «полностью скопировал советскую модель». Это был недочет, произошедший из-за того, что в Китае просто не понимали, что при строительстве государства необходимо учитывать специфику каждой страны (в данном случае — особенности КНР), и поэтому допустили много ошибок. Только в 1980-х гг. здесь начался процесс реформ, возникла открытость, и через столько лет можно с уверенностью сказать: «Мы нашли единственно правильный путь развития страны, который учитывает особенности Китая».

Китай — слишком уникальная страна, обладающая такими качествами, которые отличают ее от других. «Восток — дело тонкое», но Китай — это даже больше, чем Восток. Поэтому для Китая, для его Коммунистической партии история, в том числе история Советского Союза, дает возможность найти упущенное, понять ошибки, извлечь уроки, для того чтобы идти вперед. Китайско-советские (китайско-российские) отношения для Китая — не только внешняя, но и внутренняя политика. В эти годы в китайско-советских отношениях были взлеты и падения, сотрудничество, союзничество, конфронтация, конфликты, открытая полемика. Спустя много лет мы начинаем понимать, что в полемике было очень много надуманного. Дэн Сяопин, говоря с Горбачевым, отметил, что в полемике было «много пустых слов». И та и другая сторона претендовала на исключительное право объяснять правильность марксизма. Сейчас оказывается, что неправы были и те и другие. Но это уже история. По мнению выступающего, сегодня китайско-российские отношения вышли на самый высокий уровень, потому что через все, что прошли наши государства за эти годы, через осмысление мировой ситуации и развития собственных стран, извлекая уроки из прошлого, мы пришли к тому, что надо строить отношения нового типа, которые соответствуют как общей тенденции мирового развития, так и интересам наших стран.

Характеризуя современную международную обстановку, Ли Фэнлинь указал на то, что человечество сейчас переживает очень тяжелые времена: «Много неопределенности, которая во многом исходит от новоиспеченного американского президента. “*America First*”, как он говорит. Что это такое? Я не думаю, что Америка пойдет на изоляцию, потому что, как бы ни были сильны Соединенные

Штаты, одна страна, какой бы сильной она ни была, не может отгородиться от других в таком тесно взаимосвязанном мире. Мне кажется, что он просто хотел показать всеислие Соединенных Штатов. Это говорит о его высокомерии, когда он учитывает только собственные интересы. Конечно, это ведет к неопределенности. А в сущности, когда он говорит о том, чтобы сделать Америку снова великой, это говорит о том, что он в смятении. Он чувствует, что Америка уже перестает быть великой, и чувство уверенности у него как бы уходит. Таким образом, мне кажется, что мировой порядок сейчас проходит переходный период». Западные ценности (демократия, свободы, всеобщие выборы), теория геополитики в их понимании — это модель мирового порядка, которая господствовала более ста лет. А сейчас такой порядок переживает кризис, и на смену приходит новый порядок. Каким он будет? Это должен быть порядок равноправных стран. И в этом смысле Китай и Россию, как страны одних корней, объединяет очень много общего. Перед нами стоят вопросы: откуда мы? Где мы находимся сейчас? Куда мы идем? Ответив на эти вопросы, мы найдем то общее, что нас объединяет. Для того, чтобы наши отношения укреплялись, чтобы их развитие носило устойчивый характер, нужно прилагать серьезные усилия.

Завершая свое выступление, Ли Фэнлинь выразил уверенность в том, что сегодня важны не только политические и экономические связи, но и гуманитарные контакты — такие, как встреча, на которой он выступает. Необходимо выслушать друг друга, понять друг друга, поставить себя на место партнера. Это понимание очень важно для того, чтобы мы нашли то общее, что нас объединяет. Разногласия существуют обязательно, иначе было бы неинтересно жить. Главное — понимать друг друга.

В докладе профессора, заведующего кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ, директора центра изучения Китая **Н. А. Самойлова** «Революция 1917 г. в России и Синьхайская революция в Китае: типологическое сравнение» было подчеркнуто, что указанные революции относятся к числу важнейших событий XX в. Их историческое значение очень велико. Обе революции сокрушили многовековые монархии и открыли новый этап исторического развития для своих стран. По мнению докладчика, их сравнительное изучение может выявить общность и различия в исторических судьбах народов Китая и России. Синьхайская революция и Русская революция 1917 г. (подразделяющаяся на Февральскую и Октябрьскую) произошли с интервалом всего лишь в несколько лет. Синьхайская революция, ставшая первой в ряду крупных антимонархических революций XX в. на нашей планете (если не считать Португальскую революцию 1910 г.), ознаменовала провозглашение первой республики в Азии. Русская революция не только изменила ход исторического развития России, но и повлияла на судьбы многих стран и народов.

Типологическое сравнение двух великих революций XX в. представляется очень важным с точки зрения исторической науки, поскольку позволяет лучше понять закономерности развития революционного и эволюционного путей развития в истории человечества. В 1980–1990-х гг. как в отечественной¹, так и в зарубежной² историографии предпринимались попытки сравнительного анализа русской и китайской революций, однако в последние годы подобные работы не

появлялись. В настоящее время, когда отмечается столетие Революции 1917 г. в России, исследования по данной проблематике приобретают особую актуальность.

Династия Цин (1644–1912 гг.) была исторической ровесницей династии Романовых в России (1613–1917 гг.). Царствование обеих династий началось в XVII в., обе достигли своего могущества в XVIII в. и были свергнуты в начале XX в.

Как в России эпохи Романовых, так и в Китае эпохи Цин численно доминировало крестьянство. Правда, в Китае не было крепостного права в том виде, в каком оно просуществовало в России до 1861 г. В обеих странах происходили мощные крестьянские восстания и даже крестьянские войны (Крестьянские войны под предводительством Степана Разина (1667–1671 гг.) и Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.) в России и Крестьянская война тайпинов 1850–1864 гг. в Китае). Были сильны традиции массовой крестьянской борьбы.

Россия и Китай представляли собой абсолютные монархии, где была очень сильна власть бюрократии, а государство целенаправленно и планомерно занималось воспроизводством чиновничества всех рангов (система государственных экзаменов для получения ученых степеней *сюцай*, *цзюйжэнь* и *цзиньши* в Китае и система чинов, закрепленная в Табели о рангах, в России).

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. как в Китае, так и в России происходили процессы, свидетельствующие о формировании новых путей развития. Объективно эти страны должны были стремиться догнать по социально-экономическому развитию передовые в то время государства мира (или приблизиться к их уровню). Обществу предлагались три возможных варианта: 1) продолжение развития в рамках прежней социально-экономической, политической и духовной традиции; 2) постепенная трансформация общества путем реформ в самых разнообразных сферах; 3) революционный прорыв в новое состояние.

Н. А. Самойлов указал на множество общих черт в предреволюционной ситуации в Китае и России. Крестьянство стремилось к решению аграрного вопроса, национальная буржуазия требовала больших прав и свобод, новая интеллигенция все более увлекалась передовыми идеями, приходившими с Запада. И там, и там все эти силы постепенно сплачивались под антимонархическими лозунгами. В обществе, во всех его слоях, усиливались и культивировались антиправительственные и антимонархические настроения. Даже в отдельных деталях происходивших процессов мы можем обнаружить сходство. Например, в России накануне Революции многие видели причину бед и неудач своей страны в том, что в то время при дворе огромным влиянием пользовался Григорий Распутин, не облеченный никакой официальной властью. В Китае же в конце правления вдовствующей императрицы Цыси ее обвиняли в том, что власть при дворе оказалась в руках всемогущего евнуха Ли Ляньина. Очень существенно и то, что и в Синьхайской революции, и в Русской революции 1917 г. решающую роль сыграла армия.

Таким образом, Н. А. Самойлов констатировал, что Синьхайская революция в Китае и Великая Русская революция 1917 г. — две революции, произошедшие в крестьянских странах, вступивших к этому времени на путь модернизации общества, которая встречала на своем пути множество препятствий. Несмотря на то что степень модернизации российского социума была выше, это не снижало остроты возникавших проблем, к тому же усугубленных Первой мировой войной. Исходя

из этого, антимонархическая революция в России (Февральская) типологически оказывается более похожей на антимонархическую антицинскую Синьхайскую революцию, чем, скажем, на падение монархий в Германии и Австро-Венгрии в 1918 г.

При этом в России антимонархическая революция сразу же начала переходить в иное качество и повлекла за собой большевистскую революцию октября 1917 г. и последовавшие за этим Гражданскую войну и раздробленность (господство региональных военных группировок, иностранная интервенция и отпадение национальных окраин — явления, схожие с теми, что имели место в Китае в постсиньхайский период); с ними большевикам удалось покончить, объединив к 1922 г. большую часть страны.

В Китае период раздробленности, войн милитаристов, гражданских революционных войн и отражения иностранной агрессии растянулся на несколько десятилетий и смог завершиться только в 1949 г. победой Коммунистической партии Китая и образованием Китайской Народной Республики.

В докладе старшего научного сотрудника Центра современных мировых исследований при Отделе внешних связей ЦК Коммунистической партии Китая (далее — КПК) **Юй Суй** «Октябрьская революция и социализм с китайской спецификой» была рассмотрена связь между Октябрьской революцией, советской моделью и социализмом с китайской спецификой. По мнению докладчика, Октябрьская революция произошла по объективным и субъективным причинам в условиях нерешенности основных проблем российского общества — вопросов мира, земли, хлеба и свободы, а также трудностей, порожденных Первой мировой войной. Социалистическая революция осуществилась в России и тем самым выявила брешь в системе капитализма, способствовала распространению марксизма и придала новое дыхание национально-демократическому движению в странах Азии, имевшему антифеодальный и антиимпериалистический характер. Революция как таковая не смогла решить проблему выработки и установления модели социалистического строительства. Власть перешла к большевикам, но механизмы строительства социализма не были определены. В Советском Союзе после кончины Ленина сложилась модель социально-экономического развития с высокой степенью централизации власти при создании федерального государства. Однако такая модель не была прямым следствием революции, и это заставляет проводить необходимое разграничение между успехами собственно революции 1917 г. и дальнейшим опытом советской модели.

Далее в докладе Юй Суй было отмечено, что советская модель развития сформировалась в условиях отказа от НЭПа, отсутствия опыта успешного социалистического строительства и жесткой внутрипартийной борьбы. Изначально эта модель соответствовала историческим условиям страны и оказалась вполне успешной. За несколько лет была проведена индустриализация, что заложило экономическую основу для победы в антифашистской войне. После Второй мировой войны экономика страны быстро восстановилась и СССР вышел на уровень развития, сопоставимый с США. Однако в послевоенный период, в условиях НТР и развития капитализма, советская модель проявила свои недостатки: идеологическую ригидность, политическую недемократичность. КПСС совершила ряд

значительных ошибок, которые наложились на недостатки политической системы Советского Союза, что в итоге причинило непоправимый ущерб. Китай же отказался от прямого копирования советской модели в пользу реформирования. Уже Мао Цзэдун указывал на недостатки советской модели, предостерегая от их повторения китайское руководство. В 1959 г. он отмечал, что пролетарские мыслители в каждой стране должны создавать и развивать новые теории. Китайское руководство не отождествляет опыт Октябрьской революции и советскую модель и тем более не относит причины крушения Советского Союза к последствиям Октябрьской революции. Социализм с китайской спецификой — это продолжение опыта Октябрьской революции, но уже в новых исторических условиях, с учетом негативного опыта СССР. Дэн Сяопин выдвинул идею формирования социалистической рыночной экономики, а также обозначил перспективу реформирования политической системы. Сегодня КПК во главе с Си Цзиньпином продвигает дело строительства социализма с китайской спецификой, поставив великие цели — построение среднезажиточного общества к столетнему юбилею КПК и создание мощного демократического гармонично развитого общества к столетию Республики.

В докладе профессора, заведующего кафедрой новейшей истории России СПбГУ **М. В. Ходякова** «Ключевые проблемы Русской революции 1917–1922 годов и их освещение в трудах советских и российских историков» был рассмотрен широкий круг вопросов, посвященных революционному процессу в России. При этом докладчик заметил, что понятий «Февральская революция» и «Великая Октябрьская социалистическая революция» никто не отменял. Современники событий, участники Революции в своих воспоминаниях нередко использовали термин «Октябрьский переворот», подчеркивая тем самым глубину преобразований — политических, экономических, социальных.

Сегодня актуальным остается вопрос о хронологических рамках Русской революции. Специалисты нередко используют термин «длинная революция», имея в виду период 1914–1922 гг. Однако в таком подходе нет ничего нового. В 1930-е гг. при участии Сталина начинала создаваться фундаментальная работа «История Гражданской войны в СССР», первый том которой был опубликован в 1935 г. Изложение событий в ней начиналось с Первой мировой войны, т. е. с 1914 г. Великая война рассматривалась как пролог Революции³. Однако позже ситуация изменилась. Революция была отсечена от Великой войны. Эти важнейшие этапы в истории России рассматривались без должной связи друг с другом.

Одним из важнейших научных направлений, которые разрабатывали историки на всем протяжении существования советской власти, было исследование социально-экономических предпосылок Революции. Октябрьская революция выступала как следствие, результат зрелости русского капитализма. Но во второй половине 1950-х гг. сформировалась группа историков (так называемое новое направление), которая сумела переосмыслить многое из того, что было написано ими самими и до них. Их перестала удовлетворять трактовка ряда важнейших положений истории России конца XIX — начала XX в. Они показывали, что изложение ключевых вопросов Революции нередко осуществлялось вопреки исторической правде.

Окончательно «новое направление» в советской исторической науке сложилось в 1960-е гг. Его сторонники отмечали, что нет оснований выводить Октябрьскую

революцию напрямую из зрелости русского капитализма, как это делали раньше, преувеличивая уровень развития российского монополистического капитализма. Необходимо было учитывать феномен многоукладности русской экономики, которая, как представлялось сторонникам «нового направления», существовала и до 1917 г.

Изучая историю российских революций, представители «нового направления» пришли к выводу, что нельзя уйти и от проблемы соотношения стихийности и сознательности в революционном процессе⁴. Этот вопрос ставился в исторической науке уже с 1920-х гг. Однако со второй половины 1930-х гг. в СССР восторжествовала схема, согласно которой ни о какой стихийности в развитии событий 1917 г. говорить было нельзя, ибо по официальной версии организатором и вдохновителем не только Октябрьской, но и Февральской революции, свержения монархии выступала партия большевиков (что мало соответствовало исторической действительности).

Предпринятая в 1960-е гг. попытка группы историков вернуться к истории Февраля на новом уровне исторических знаний была очень плодотворной. В итоге удалось показать, что события Февраля 1917 г. в России в значительной степени были стихийными, что свидетельствовало о глубинных корнях движения в России. Представители «нового направления» поставили и вопрос об альтернативности развития российского общества⁵. Они заново рассмотрели старый вопрос об общедемократическом потенциале Октябрьской революции, заключавшемся в борьбе за мир, землю, национальное равноправие, приобщение народа к достижениям мировой цивилизации. Действительно, альтернативные пути развития для России существовали до сентября 1917 г.

Докладчик подчеркнул, что в современной научной литературе, посвященной Русской революции, тезис о переплетении стихийных и сознательных начал в 1917 г. преобладает. Революция началась в значительной степени как стихийный взрыв, в регулировании которого политические партии участия практически не принимали. А затем, после свержения монархии, в этот процесс стали активно включаться различные политические силы, преследуя при этом свои цели.

Противники советской власти после распада Советского Союза подхватили и раздули до гигантских размеров мифы не только о масонах⁶, но и о деньгах («немецком золоте»), которыми Германия якобы оплачивала работу в России лидеров большевиков, в том числе Ленина, стремясь вывести Россию из Мировой войны. В ход пускались старые фальшивки, которые должны были показать продажность лидеров большевиков. К сожалению, и сегодня в России немало простодушных людей, убежденных в решающей роли немецких денег, на которые была сделана Русская революция. К счастью, в этом случае крупные российские историки не остались в стороне и в своих книгах показали⁷, что Русская революция была сделана «чистыми руками», хотя немцы и подбрасывали через своих агентов некоторые суммы на ведение революционной пропаганды в России.

Выступающий обратил внимание и на то, что в современной исторической литературе все чаще говорится о подлинной роли главных союзников России по Антанте в годы Первой мировой войны — Англии и Франции. Руководители этих держав относились к России как к своей колонии. Они не просто желали

продолжать войну «до последнего русского», но и осуществляли поставки вооружения, продовольствия своему союзнику исключительно в обмен на русское золото, отправлявшееся на Запад. Эти и другие вопросы революционного 1917 г. сегодня остаются в центре внимания историков, политологов, экономистов, всех тех, кто занимается изучением истории России.

В докладе «Октябрьская революция и путь развития России», с которым выступила заместитель директора отдела исследований стратегий мирового развития Бюро переводов при ЦК КПК, редактор журнала «Тенденции зарубежной теоретической мысли» **Сюй Сянмэй**, был поставлен важнейший вопрос: «Знаменовали ли собой события 1917 г. разрыв в модернизации или ее новый этап?» Докладчик отметила, что сегодня, находясь на исторической дистанции, можно непредвзято и вне идеологических оценок провести исторический анализ Революции 1917 г., а именно установить, что представлял собой путь Октябрьской революции, и оценить значение событий 1917 г. для процесса модернизации России. Для этого, по мнению Сюй Сянмэй, необходимо ответить на вопрос, следует ли отождествлять путь Революции и путь советского развития в последующие годы. Известно, что во время Февральской революции 1917 г. грядущие события Октября еще не были так очевидны. Однако В. И. Ленин, как профессиональный политик, осознавал, что Февральская революция создала предпосылки для последующих изменений — второго этапа Революции, захвата власти пролетариатом и крестьянством: «С точки зрения того, в чьих руках находилась власть, Октябрьскую революцию называют социалистической, хотя, на мой взгляд, это не совсем верно и обоснованно. Октябрьская революция — это важный переходный этап, открывший новую перспективу социалистического строительства. И в этом смысле подлинно социалистическая революция наступила уже после 1917 г. Вся последующая история Советского Союза — это путь экспериментов и поиска пути к социализму. Именно по этой причине и следует различать саму Октябрьскую революцию и путь социалистического развития».

Докладчик коснулась и другого важного вопроса — значения Октябрьской революции для процесса модернизации России. При этом она отметила, что в последние годы проблемы экономического развития страны в конце XIX — начале XX в. привлекают все больше внимания как российских, так и зарубежных исследователей. Все чаще подчеркиваются успехи капиталистического развития России до 1914 г. Между тем экономический рост тогда составил 5% в год, при сталинской же индустриализации этот показатель достигал 10%, а по некоторым оценкам и 18% в год. Безусловно, сталинская индустриализация породила множество социальных проблем: например, отставание деревни и сельского хозяйства, принудительный труд, голод 1920-х гг. Однако она стала важным этапом вхождения Советского Союза в мировую экономическую систему. И Октябрьскую революцию стоит оценивать с точки зрения ее влияния на современный путь развития России.

В докладе научного сотрудника Института мировой истории Китайской академии общественных наук **Вэнь И** «Изменения в государственной структуре и властных отношениях после Октябрьской революции» было отмечено, что Октябрьская революция привела к кардинальному изменению общества. В мире возникло первое государство диктатуры пролетариата, что оказало необратимое

влияние на внутренние процессы российской и мировой истории. Самые важные изменения произошли в государственной структуре и системе власти. После октября 1917 г. для большевиков, пришедших к власти в России, государство перестало быть семейным, личным делом, как это было при Романовых, а стало классовым инструментом. Параллельно с новым государством существует западный мир — капиталистический, чьи государственные институты — это, по сути, институты подавления и эксплуатации народа. Россия начала строительство социализма в капиталистическом окружении.

В результате формируются такие политические феномены, как однопартийная система, в России не создается единый фронт разных политических сил, направленный на борьбу с кризисом. Большевики выступают против старой государственной машины, упраздняют Думу и Совет министров. Вместо них возникают ВЦИК и СНК. Все иные политические силы подвергаются гонениям, распускается Учредительное собрание. В стране устанавливается диктатура правительства, абсолютный приоритет его распоряжений. Такая политика требовала единства партии, запрещения распространения непролетарской идеологии. При Сталине утверждается радикальное отношение ко всем непролетарским идеологиям, результатом чего становятся репрессии.

В оправдание проводимой политики следует сказать об особых обстоятельствах, возникших в стране после октября 1917 г.: Гражданская война, голод, продразверстка и др. привели к тому, что советская власть не могла работать по старым моделям развития. Страна была окружена кольцом внешних врагов. Мобилизация народа привела к мобилизационной экономике. Поддержка такой модели развития обусловлена и тем, что она могла принести революцию в другие страны. Вершиной такой политики становится военный коммунизм. Уже на этом этапе быстро стала развиваться и военная промышленность.

В докладе Вэнь И также говорилось об исчезновении представителей других идеологий внутри страны. При этом подчеркивалось, что для всего мира Революция стала символом альтернативного пути развития. Развитые страны этого пути боялись, а бедные — к нему стремились. Но и внутри страны все было далеко не однозначно, ярким примером чего является НЭП. Отдельно докладчиком были отмечены и негативные результаты Октябрьской революции, в частности возникновение однопартийной системы, которая контролировалась только за счет собственных сил. Отсутствие внешнего контроля, отставание данной модели привели к изоляции от мировой культуры и цивилизации. В жизни страны появились такие понятия, как «предатели», «шпионы», «враги народа». Власть делала ставку на то, что все проблемы — якобы проблемы идеологические, обусловленные происками врагов. Наконец, мобилизационная экономика поставила военное производство на первое место, все ресурсы направлялись прежде всего на его обеспечение. По характеру такая модель экономики была экстенсивной. Она направлена против врага, на победу над врагом. Общество при этом все время жило в повышенном напряжении. И все же Революция продвинула исторический процесс, мы извлекаем полезный опыт и уроки из прошлого — это лучший способ чтить память о ней. Никто не может отрицать тот факт, что дореволюционная Россия и старый мир никогда не вернуться!

Доцент СПбГУ **Н. И. Богомазов**, характеризуя в своем выступлении новые подходы к изучению истории Революции и Гражданской войны в России, заметил, что этот период является одной из самых трагических страниц в отечественной истории. На огромном пространстве бывшей Российской империи от Лодзи до Владивостока шло кровавое братское противостояние с применением всех имевшихся на то время видов оружия, а лояльность населения на занятых территориях противоборствующие стороны зачастую обеспечивали террором; главным инструментом борьбы стало насилие. Психологическая усталость от длительной и тяжелой Первой мировой войны, разочарование в институтах власти, расстройство экономики, помноженные в каждом конкретном случае на личные мотивы, — все это привело в невиданному «озверению» и жестокости, которые характеризуют период российской Гражданской войны. Безусловно, такое крупное событие, по сути изменившее течение мировой истории, не могло не вызывать интереса у историков — как российских, так и зарубежных. Осознание важности переживаемых событий пришло к современникам очень быстро, и изучение истории Революции и Гражданской войны началось сразу после ее окончания. Таким образом, на сегодняшний день имеется большой корпус исследований, посвященных самым разным проблемам и аспектам «русской смуты» XX в. Вместе с тем за последние годы произошли значительные изменения в исследованиях по данной проблематике: изучение истории Русской революции и Гражданской войны получило мощный импульс, появилось огромное количество новых трудов, и, как следствие, наше понимание этих событий вышло на новый качественный уровень.

В рамках своего выступления Н. И. Богомазов кратко представил те основные изменения в подходах к изучению истории Революции и Гражданской войны, которые произошли в российской исторической науке за последние годы. Докладчик прежде всего обратил внимание аудитории на датировку, отметив, что среди историков долгое время шли споры о дате начала Гражданской войны, которые вытекали из признания или непризнания того или иного события ее частью. Итогом этой дискуссии стал отказ от старой датировки (1918–1920 гг.). Сегодня большинство специалистов сходятся во мнении, что интервал 1918–1920 гг. является лишь периодом войны, когда противостояние шло с наивысшей активностью, но при этом сами хронологические рамки российской Гражданской войны гораздо шире. Важно понимать, что Гражданская война в России и Великая русская революция представляют собой единый неразрывный период российской истории, находящийся между временем «думской монархии» (1907–1917 гг.) и периодом «новой экономической политики» советского правительства, НЭПа (1921–1929 гг.). Поэтому нижней временной границей Гражданской войны считается 1917 г., в течение которого элементы противостояния неоднократно проявлялись в разных частях России, хотя имели локальный характер и не перерастали в полномасштабный вооруженный конфликт. За верхнюю временную границу берется 1922 г., в течение которого были разгромлены последние очаги сопротивления Советской власти на Дальнем Востоке России, а внутри страны уже проводился НЭП, решение о переходе к которому было принято на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Таким образом, широко принятая на сегодняшний день в российском научном сообществе датировка Гражданской войны в России — с 1917 по 1922 г.⁸

Н. И. Богомазов также отметил, что за последние годы российская историческая наука обогатилась огромным количеством новых источников — как архивных, так и личного происхождения (воспоминания, мемуары, дневники и пр.). Историкам стали доступны ранее закрытые фонды российских архивов, документы которых позволили внести весьма значительные коррективы в наше понимание Революции и Гражданской войны. Кроме того, исследователи получили доступ к документам, собиравшимся российскими эмигрантами — теми, кто оказался после 1917 г. за пределами Советской России. Некоторые из этих коллекций были перевезены в Россию. Весьма значительные собрания документов хранятся в США в Стэнфордском и Колумбийском университетах и в последнее время также активно вводятся российскими исследователями в научный оборот. Помимо архивных документов российские специалисты, наконец, смогли ознакомиться с эмигрантской мемуарной литературой, насчитывающей десятки тысяч изданий. Многие мемуаристы играли ключевые роли в событиях 1917–1922 гг., и их свидетельства, сопоставленные с архивным материалом, значительно расширили наше представление о Революции и Гражданской войне.

Выход отечественной исторической науки из определенной изоляции и вовлечение зарубежных специалистов в научную дискуссию о проблемах российской истории дали импульс к расширению методологии исследований и к постановке новых проблем. Плодом сотрудничества с зарубежными коллегами стало появление большого количества уникальных совместных работ⁹. Кроме того, иностранные коллеги вводят в научный оборот документы из своих национальных архивов, которые зачастую недоступны российскому исследователю ввиду незнания соответствующего языка. Например, одну из ключевых работ по истории Гражданской войны на Северо-Западе России написал историк из Эстонии, который использовал документы на эстонском языке¹⁰. На сегодняшний день представляется практически невозможным изучение истории Революции и Гражданской войны в России без привлечения зарубежной литературы (написанной в большинстве случаев на английском, реже — на французском и немецком языках).

Докладчик подчеркнул также тот факт, что на современном этапе российская историческая наука естественным путем пришла к пониманию невозможности заниматься исследованием всей Гражданской войны во всем ее объеме ввиду слишком большой территории, на которой она велась, а также ввиду того, что каждый отдельный регион мог иметь свою специфику, нехарактерную для других. Например, на севере России (Архангельск и Мурманск) война велась при активном участии англичан, в Прибалтике и на Украине огромную роль в событиях играли немецкие войска, на Дальнем Востоке — японские. Более того, в некоторых регионах противоборствующих сторон было не две, а три, а кое-где и четыре. В ряде случаев общероссийская Гражданская война принимала национальную окраску и приобретала вид борьбы за независимость (Прибалтика, Украина, Кавказ). Поэтому в современных российских исследованиях очень силен региональный аспект, ставятся проблемы изучения протекания Гражданской войны в том или ином регионе¹¹. При этом, однако, обращается внимание на схожесть и отличие региональных процессов от общероссийских, что позволяет видеть не только частные особенности, но и общую картину.

Особо было подчеркнута, что Революция и Гражданская война в России — одна из тех проблем истории России, по поводу которых идет постоянная научная и общественная дискуссия, а столетие Великой русской революции придало данной дискуссии новую силу. По мнению докладчика, это вполне положительный факт, поскольку стимулирует появление новых исследований, привлечение неизвестных ранее источников и постановку принципиально новых проблем. Несмотря на достаточно хорошо известную фактологическую канву событий, по многим вопросам между учеными нет единого мнения и активно ведется полемика на страницах монографий и научной периодики; каждая существенная публикация вызывает отклик научной общественности¹². Таким образом, современная историография Революции и Гражданской войны характеризуется высоким уровнем дискуссионности и полярности мнений, что приводит к более глубокому пониманию исследуемых проблем.

Важной особенностью современных работ по истории Революции и Гражданской войны, как было подчеркнута в докладе, является их междисциплинарность. Все чаще исследователи поднимают вопросы, находящиеся на стыке истории с другими науками — экономикой, психологией, социологией, юриспруденцией, демографией, этнографией. Это требует от исследователя особых навыков в соответствующей области знания и умения пользоваться ее научным инструментарием. Яркий пример подобных исследований — работы по психологии масс, теории революций, особенностям правового регулирования в условиях делегитимизации центральной власти и т. д., которые были бы невозможны без привлечения соответствующих наук¹³.

Резюмируя сказанное, Н. И. Богомазов отметил, что за последние 30 лет изучение истории Великой русской революции и Гражданской войны в России претерпело значительные изменения. За это время отечественная историческая наука совершила качественный рывок в изучении истории Революции, скорректировав уже имевшиеся знания и привнеся много нового, ранее неизвестного. При этом, несмотря на уже почти столетнюю историографию, некоторые вопросы истории Революции и Гражданской войны до сих пор остаются малоизученными и дискуссионными. Однако постоянный интерес, который вызывает эта проблематика у исследователей, а также у студентов, позволяет с оптимизмом смотреть на изучение ее в будущем.

Профессор Центра изучения холодной войны Хуадунского (Восточнокитайского) педагогического университета в Шанхае **Юй Вэньминь** в своем докладе «Влияние Октябрьской революции на восточные страны и мировую историю XX в.» заметил, что Октябрьская революция оказала существенное влияние на вектор исторического процесса. Важно заметить, что В. И. Ленин перемещал этот вектор на восток и тем самым изменил модели и пути развития некоторых государств. В результате к середине XX в. сформировалась международная обстановка, характеризующаяся как состояние холодной войны между Востоком и Западом. По мысли Ленина и большевиков, Революция в России должна была стать детонатором революционных потрясений в западном мире, они считали себя руководителями мировой революции. Ленин неоднократно указывал на то, что отсталая Россия могла стать брешью для революционного прорыва. Но будущее революционного

процесса должны определять все же передовые западные страны. Однако после захвата власти большевиками в России мировая революция не наступила. Это поставило власть в кризисное положение, и Ленин был вынужден разъяснять своим товарищам специфику сложившейся ситуации. Именно Ленин направил движение революционного процесса на Восток. Российские руководители, оказавшись в окружении капиталистического мира, для удержания власти были вынуждены сформировать новую государственную идеологию. Российский путь развития стал альтернативным путем социалистической модернизации.

Российский опыт реконструкции привлекал многие отсталые страны и регионы. Идея перемещения центра тяжести революционного процесса на Восток предоставила восточным странам теоретическую и практическую поддержку в национально-освободительных движениях, развертываемых под руководством левых революционных партий. Это способствовало пробуждению национального самосознания народов. Советская модель стала основой для их дальнейшего развития. На II конгрессе Коминтерна В. И. Ленин включил проблему освобождения угнетенных народов Востока в повестку мировой революции, сделав на данную тему специальный доклад. В этом выступлении он впервые обозначил «восточный курс» революции. Это было важно еще и потому, что восточные регионы влияли на безопасность Российской империи.

Важным для большевиков было спровоцировать революции в Китае и Корее, чтобы противостоять интервенции со стороны Америки. По инициативе Коминтерна с 1920-х гг. началось создание компартий Китая, Японии, Кореи и Вьетнама. Это было тесно связано с восточной стратегией Коминтерна.

Одной из мер, предпринятых для организации революций за рубежом, стала подготовка Коминтерном соответствующих кадров. Для этого в Москве в 1920-е гг. были открыты специальные учебные заведения для иностранцев, в том числе Коммунистический университет трудящихся Востока и др. Выпускники этих школ существенно усилили коммунистическое движение в различных странах. Иностранцы проходили подготовку и в военных учебных заведениях Советского Союза. Некоторые питомцы этих академий позже стали знаменитыми генералами в армиях разных стран.

Таким образом, международное коммунистическое движение переместилось из западных стран в Москву. Пролетариат различных стран приобрел здесь «социалистическую родину». Коминтерн также служил интересам советской внешней политики, а Октябрьская революция изменила международную расстановку сил.

В докладе доцента СПбГУ **Д. Г. Янченко** «Экономические предпосылки Великой русской революции: новые подходы и новые оценки российских ученых» затрагивался вопрос о том, насколько важен был экономический фактор при крушении старой России в 1917 г. Не все историки связывают Русскую революцию исключительно с военными тяготами. Среди хозяйственных невзгод российские специалисты выдвигают на первый план продовольственный вопрос. С началом войны Россия резко сократила экспорт зерна в Европу. Армия снабжалась за счет казенных поставок. Закупки продовольствия для армии были единственным ассигнованием для поддержки сельскохозяйственного производства¹⁴. Сбои в работе транспортной системы связывали руки правительству, разъединяли

производителей и потребителей, препятствовали подвозу продовольствия в города и армию, и промышленных товаров в деревню¹⁵.

На втором месте в перечне проблем русской экономики, по мнению российских и советских исследователей, были финансы. Отказ со стороны западных союзников в кредитовании по довоенному курсу рубля к фунту стерлингов после 1915 г. провоцировал бюджетный дефицит и усиливал инфляцию. На международных рынках русский рубль становится объектом финансовых спекуляций как со стороны союзников, так и со стороны противников. Без кредитов поддерживать курс рубля было проблематично. В таких условиях Российской империи было трудно сохранить позицию равноправного партнера по отношению к странам Запада. В 1917 г. западные союзники не спешили предоставлять кредиты Временному правительству, как они поступали раньше в отношениях с императорским Министерством финансов¹⁶.

Докладчик также отметил, что в экономике России отсутствовал реальный общественный контроль. Государственная дума могла контролировать только 300–400 млн из 9-миллиардного бюджета империи¹⁷. Налоговая система сохраняла архаизм, ее основу составляли косвенные налоги. Повышение налоговых ставок создавало в обществе социальное напряжение. Российская власть до 1917 г. не ввела новые казенные монополии (табачную, спичечную), что усиленно рекомендовали сделать ученые-экономисты.

Органам чрезвычайного управления экономикой в годы Великой войны (Особым совещаниям) в российской историографии уделено достаточное внимание. Их деятельность лишь частично способствовала мобилизации ресурсов России в 1915–1917 гг. Большинство в них составляли представители общественных и деловых кругов, решающий голос оставался у председателей министров, а ведомственные интересы преобладали¹⁸.

По современным оценкам влияние войны на состояние российской промышленности накануне Революции было неоднозначным. Вместе с производствами, прогрессирующими в темпах и объемах выпуска продукции, к которым относились предприятия, задействованные в работе на оборону, ряд отраслей, связанных с частным рынком, городским и сельским населением, в годы войны стагнировали. К концу основных боевых действий характерной чертой состояния ряда важных отраслей стал износ основных фондов, обгонявший процесс их обновления.

Серьезные изменения происходили в психологии русского рабочего. В условиях войны ускоренное развитие капитализма западноевропейского типа разрушало партнерские «артельные» отношения. Они заменялись отношениями «руководитель — подчиненный»¹⁹. Вместе с новыми технологиями ценности индустриального общества проникали в российскую экономику. На уровень квалификации и нравственных качеств рабочих, пришедших на предприятия в годы Войны, поступали жалобы от их соратников по цеху и от предпринимателей. Падение на фоне роста общей численности рабочих удельного веса квалифицированных рабочих кадров, сокращение железнодорожных заказов, слабое состояние станкостроения, — вот болевые точки российской промышленности, которые стали причинами нарастания кризисных событий в стране²⁰.

Политика Временного правительства и экономическая катастрофа лета — осени 1917 г. подтолкнули большевиков к власти. К 1917 г. выпуск промышленной продукции на душу населения сократился по сравнению с 1913 г. на 20 %, а за два следующих года — 1917–1918 гг. — на 50 %. Национальный доход на душу населения за 1913–1921 гг. сократился более чем на 60 %. Безусловно, обоснованным является мнение, согласно которому Гражданская война после прихода к власти большевиков нанесла экономике страны больший ущерб, чем собственно военные столкновения²¹.

В докладе заведующего кафедрой изучения мировой стратегии Центральной партийной школы КПК **Цзо Фэнжун** «Различное влияние Октябрьской революции в России на три типа государства» было отмечено, что давать оценки Революции 1917 г. — право российских специалистов. Китайские ученые ограничены в знаниях о ней. В докладе была дана оценка влияния этого события на другие страны и подчеркнуто, что XX в. прошел под влиянием событий Октября 1917 г.

На разные страны события в России повлияли неодинаково, степень принятия Революции была разной. Для большинства было характерно стремление предотвратить такую революцию, смягчить противоречия между буржуазией и пролетариатом. Были предприняты меры по улучшению положения рабочего класса. Эти меры способствовали гармонизации общества. Согласно теории, пролетарская революция должна была зародиться в передовых странах. Рабочий класс боролся за улучшение своего положения. Это вело к реформе капитализма. Идеи и практика марксизма в целом сыграли роль в улучшении состояния России. Благодаря распространению марксизма в мире пролетариат добился успеха не в развитых странах, как думали Маркс и Энгельс, а в России. Новая страна была нацелена на ликвидацию частной собственности, поэтому развитые страны предпринимали меры, чтобы предотвратить такую революцию, шли на уступки рабочему классу. Об успешной индустриализации свидетельствовали западные специалисты, работавшие в СССР. В середине 1930-х гг. уровень жизни народа постепенно повышался. Был введен семичасовой рабочий день, построены детские сады, которые освободили советских женщин, кинотеатры, которые обогатили культуру. Те, кто был в Советском Союзе, писали об улучшении положения рабочего класса, отпусках, бесплатном медицинском обслуживании. Женщины получали зарплату во время беременности и родов. Капиталистические страны стремились бороться с советским влиянием. В западных странах — Германии и Италии — утвердился фашизм, но большая часть развитых стран улучшала условия жизни простого народа. Привлекательность системы СССР была очень сильна. Западные страны в чем-то подражали этой системе, усиливали вмешательство в экономику, развивали социальную политику. Это, безусловно, положительное влияние Октября 1917 г. на западные страны.

Негативное влияние заключалось в том, что после Второй мировой войны в связи с противостоянием СССР и Западного мира расходовались громадные ресурсы на гонку вооружений; кроме того, все страны были вынуждены восстанавливать разрушенное. После Второй мировой войны колониальная система распалась, угнетенные страны получили независимость. Во время борьбы за освобождение многие колониальные и полуколониальные страны выбрали советский

путь (например, Монголия, Индия, Ангола, Танзания). Со временем было доказано, что эффективность этого пути невысока. После начала реформ в СССР и отказа от прежней внешней политики эти страны отказались от советской модели и стали выбирать западную модель — слепое копирование советского пути развития не соответствовало условиям развития этих стран.

Степень влияния на социалистические страны нужно классифицировать. Восточноевропейские страны были освобождены Красной Армией и были вынуждены реализовывать советскую модель под эгидой СССР. Корея также под влиянием СССР пошла по советскому пути. Через несколько десятилетий было доказано, что эта модель не очень удачна (Венгерский кризис, Пражская весна, конфликт СССР и Югославии).

Советская модель развития не смогла повысить уровень жизни народа, а напротив, снизила его. В результате восточноевропейские страны отказались от советского варианта. Были и другие социалистические страны — Китай, Вьетнам, которые выбрали советскую модель по своему желанию. В ходе промышленной революции они были на периферии мирового развития. По тому времени уровень СССР был очень высок, но и Китай и Вьетнам обнаружили, что советская модель не соответствует китайской и вьетнамской специфике. От советской системы отказались. Китайская модель, особенно современная, сильно отличается от советской модели: плюрализм, интеграция с остальным миром. Такая разница в подходах подтолкнула Китай к более успешному развитию, что соответствует китайской реальности. Сейчас Китай избавился от влияния советской модели, предложенной Революцией. Октябрьская революция была направлена на то, чтобы ликвидировать отсталость и недостатки, присущие царской России. Успех Революции вдохновил другие страны искать свой путь, который соответствовал бы их специфике развития. Это подтолкнуло общество вперед.

Доклад доцента СПбГУ **П. И. Рысаковой** «Образ Октябрьской революции в российских и китайских школьных учебниках для средней школы 2000-х гг.» был посвящен проблемам школьного преподавания истории в разных странах. Докладчик отметила, что данная проблема уже стала предметом отдельного изучения для многих специалистов в области сравнительной педагогики и социологии образования²². Сегодня, в условиях глобализации высшего образования, именно школьное преподавание таких смежных предметов, как история, гражданское воспитание, обществознание, выступает основной формой трансляции принципиальных положений государственной идеологии, значимых для конкретного общества социокультурных и политических ценностей. Ярким примером, иллюстрирующим важность и злободневность таких реинтерпретаций, может послужить презентация образа Октябрьской революции в школьных исторических учебниках России и КНР 2000-х гг.

Нынешняя интерпретация событий 1917 г. отражена в концепции единого учебника 2013 г. и однозначно свидетельствует о принципиальной установке ее авторов всемерно подчеркнуть включенность российской истории в общемировой процесс, отождествляемый с утверждением так называемых общемировых демократических ценностей. Именно с этой позиции и предлагается оценивать революционные изменения 1917 г., согласно которым собственно Февральские

события и имели революционный характер, тогда как Октябрь оказался, по сути, этапом контрреволюции. По мнению докладчика, смещение акцента на демократический характер преобразований в Феврале свидетельствовало об актуальных для сегодняшней политической системы ценностях, заявляемых и утверждаемых посредством системы образования.

Реинтерпретация исторического прошлого с позиции актуальной повестки дня характерна и для школьного исторического образования в современном Китае. Основная цель освещения событий Октября 1917 г. и советского периода заключается в выявлении тех исторических уроков, которые могут быть восприняты другими странами, сохраняющими приверженность социалистическому пути. Однако предложенная китайскими историками интерпретация не лишена внутреннего противоречия. Оно связано как раз с тем, что опыт социалистического строительства не может быть автоматически вписан в концепцию исторического процесса как движения к мировой капиталистической системе.

В обеих странах предпринимаются попытки реинтерпретировать национальную историю под воздействием политического и экономического курса на международную открытость и интеграцию в мировые экономические и политические структуры. Однако детализация образа Революции 1917 г. уже определяется актуальной идеологической повесткой дня и задачами политической системы. В России Революция осмысливается в русле движения к демократизации, тогда как в Китае подчеркивается ее социалистический характер, что призвано обосновать государственную идеологию «социализма с китайской спецификой».

Доклад доцента Института Цинской истории при Народном университете Китая **Е Байчуань** «Влияние Октябрьской революции на Китай с точки зрения развития языка» был посвящен проблеме распространения русского языка в Китае под воздействием революционных событий в России. Докладчик заметила, что именно Россия оказала мощное воздействие на весь исторический процесс. Конечно, в Китае некоторые интеллигенты переводили русскую литературу и до событий 1917 г., но после Октябрьской революции распространение русского языка в Китае активизировалось. Язык отразил перемены эпохи. Слова русского происхождения стали активно появляться в китайском языке, оказывая влияние на китайское общество. Сегодня таких слов в китайском языке насчитывается 1200. После Русской революции слово «Совет» стало часто появляться в прессе, отражая одну из моделей власти. Слова «Ленин», «ленинизм», «большевик», «пролетариат», «классовая борьба», «культурная революция» все активнее используются в китайском языке. Беспрецедентно активное звучание приобрело слово «революция». Тогда же в китайском языке укореняются сочетания «социалистический реализм» и «пролетарская литература». Слова «красный» и «алый» становятся синонимами понятий «революционное и передовое».

Русский язык наряду с английским и французским был введен в образовательную систему Китая — в средние школы и высшие учебные заведения. Не только на Северо-Востоке, но и в Пекине было создано немало центров для обучения русскому языку. Кроме того, Компартия Китая отправляла своих представителей на учебу в советскую Россию. В китайских университетах создавались факультеты русского языка, хотя отношение правящих верхов к этому начинанию было

различным. Случалось, что эти факультеты закрывались. Лучше всего обучение русскому языку проходило на Северо-Востоке, где для этого была глубокая основа — Харбин стал одним из центров русской эмиграции и там было немало представителей интеллигенции. Именно на Северо-Востоке Китая сформировалась целостная система обучения русскому языку — от начальной и средней школы и до высших учебных заведений, где проходили обучение не только российские, но и китайские учащиеся. Другим крупным центром подготовки специалистов русского языка был Шанхай.

В 1920-е гг. в Китае отмечался всплеск интереса к русской литературе. Переводились произведения не только классиков марксизма, но и Горького, Серафимовича, Достоевского, Гоголя. Таким образом, революционные события в России оказали серьезное влияние на изменения в китайском языке и ознаменовали всплеск интереса к русскому языку в Китае.

Заведующий центром исследования всеобщей истории Института истории Пекинского педагогического университета, вице-президент Ассоциации советской и восточноевропейской истории Китая, профессор **Чжан Цзяньхуа** выступил с докладом «Память ресторана «Москва» в Пекине. Перемена образа Октябрьской революции и советской культуры в Китае». Докладчик напомнил, что всем пекинцам известен ресторан «Москва». Официально он открыл свои двери 2 октября 1954 г. согласно китайско-советскому договору, по которому в пяти китайских городах создавались советские выставочные павильоны. Китайский премьер Чжоу Эньлай дал банкет именно в этом ресторане, на следующий день после очередной годовщины создания КНР. На банкете присутствовали не только советские специалисты, но и председатель ЦК КПК Мао Цзэдун, записавший после этого, что «русская кухня очень вкусная». До этого, посещая Советский Союз в 1949 г., он неоднократно говорил о том, что русская кухня ему не очень нравится — «перца нет». В этот раз кухней он остался доволен. Ресторан «Москва» того времени — это своеобразный политический и социокультурный символ. Люди приходили туда в большей степени для того, чтобы почувствовать советскую культуру. Но простому человеку он был недоступен. Для посещения ресторана требовался специальный талончик, а перед входом в него стояли не портье, а солдаты с оружием в руках. Ресторан был также символом китайско-советской дружбы.

В 1967 г. ресторан был закрыт, но через год вновь открылся. Однако теперь уже под новым названием: «Ресторан Выставочного центра г. Пекин». И лишь в 1984 г. ему вернули прежнее имя, после чего он вновь стал предлагать блюда русской кухни. Однако к тому времени ресторан потерял свой символический смысл китайско-советской дружбы, превратившись в обычный ресторан европейского типа.

В ходе развернувшейся дискуссии и последующего подведения итогов работы круглого стола выступающие единодушно отметили, что Великая российская революция оказала огромное влияние на весь ход мирового исторического процесса. Одновременно с этим стало очевидным и то, что России есть чему учиться у современного Китая, где, не отказываясь от однажды сделанного выбора, реализуют курс на построение социализма с национальной спецификой.

¹ *Тихвинский С. Л.* О соотношении национального и социального вопросов в Синьхайской революции // *Китай в новое и новейшее время*. М., 1981. С. 7–174; *Меликсетов А. В.* Историческое значение Синьхайской революции в Китае // *Китай в новое и новейшее время*. М., 1981. С. 95–119; *Березный Л. А.* Китай в XX веке: альтернативы. Историографические заметки // 28-я научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады. Т. 1. М., 1998. С. 223–233.

² *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

³ История Гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 года). М., 1935.

⁴ Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Ч. 1. М., 2000.

⁵ *Волобуев П. В.* 1917 год: была ли альтернатива? // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа. М., 1991. С. 65–85.

⁶ Подробнее об этой проблеме см.: *Старцев В. И.* Тайны русских масонов. 3-е изд. СПб., 2004.

⁷ *Соболев Г. Л.*: 1) Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002; 2) Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.

⁸ Как яркий пример применения новой датировки см.: Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.: фотоальбом. М., 2016.

⁹ При этом стоит отметить, что самые сильные совместные работы российских и зарубежных исследователей относятся к более поздним периодам советской истории. См., напр.: *Naf-tali T., Fursenko A.* One Hell of a Gamble: Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964. New York, 1997; *Davies R. W., Khlevnyuk O., Wheatcroft S. G.* The industrialization of Soviet Russia. Vol. 6. The years of progress. New York, 2014; и др.

¹⁰ *Rosenthal R.* Loodearmee. Tallinn, 2006.

¹¹ См. напр.: *Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920. М., 1993; *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999; *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 г.: очерки политической истории. М.; СПб., 2013; и др.

¹² См. дискуссию вокруг книги: *Ратковский И. С.* Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.

¹³ *Соболев Г. Л.* Пролетарский авангард в 1917 году: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993; *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001; и др.

¹⁴ Подробнее см.: *Муравьева Л. А.* Последний министр финансов Российской империи // *Финансы и кредит*. 2014. № 40 (616). С. 63.

¹⁵ Подробнее см.: *Власть и реформы. От самодержавной к Советской России* / отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2006. С. 614, 654.

¹⁶ Подробнее см.: *Ганелин Р. III.* В России двадцатого века: статьи разных лет. М., 2014.

¹⁷ Подробнее см.: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России (1914–1917 гг.). СПб., 2002.

¹⁸ *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С. 125.

¹⁹ *Цуканов А.* «У Образа» // *Наш современник*. 1990. № 11. С. 120; *Елисеев А.* Экономика национальной России // *Эра России*. 1999. № 9 (40). Август.

²⁰ *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 123–171; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 333–423.

²¹ *Markevich A., Harrison M.* Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // *The Journal of Economic History*. 2011. Vol. 71, no. 3. P. 672–703. — См. также расширенную русскую версию: *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 27, 41.

²² Nation-Building and History Education in a Global Culture / ed. by J. Zajda // Globalization, Comparative Education and Policy Research. 2015. Vol. 13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Самойлов Н. А., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Научный семинар в Пекине, посвященный столетию Октябрьской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 179–201.

Аннотация: Статья освещает научный семинар, посвященный столетию Октябрьской революции 1917 г., прошедший в Пекине 5 июня 2017 г. с участием историков Санкт-Петербургского государственного университета, а также историков, экономистов, политологов, представлявших различные научные, учебные заведения Китая. В частности, от СПбГУ в семинаре участвовали преподаватели Института истории и Восточного факультета. Китайская сторона была представлена сотрудниками Китайской академии социальных наук, Народного университета Китая, Пекинского педагогического университета, Хуадунского (Восточнокитайского) педагогического университета в Шанхае, различных отделов ЦК КПК и других организаций. С докладом выступил посол КНР в России в 1995–1998 г. Ли Фэнлинь. Семинар был организован Центром исследования России Народного университета Китая и Санкт-Петербургского государственного университета, который был открыт 2 сентября 2015 г. в Пекине с участием вице-премьеров России и Китайской Народной Республики. В рамках семинара российские и китайские специалисты выступили с докладами, посвященными различным вопросам истории Великой русской революции, а также актуальным проблемам, возникающим перед российским и китайским обществами в свете столетия событий 1917 г. Подводя итоги работы семинара, выступающие единодушно отметили, что Великая российская революция оказала огромное влияние на весь ход мирового исторического процесса.

Ключевые слова: семинар, Россия, Китай, Народный университет Китая, революция, 1917.

Сведения об авторах: *Самойлов Н. А.* — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); n.samoylov@spbu.ru | *Ходяков М. В.* — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m.khodyakov@spbu.ru | *Янченко Д. Г.* — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); d.yanchenko@spbu.ru

FOR CITATION

Samoylov N. A., Khodjakov M. V., Yanchenko D. G. Scientific Seminar Dedicated to the 100th Anniversary of the October Revolution of 1917, no. 4, 2017, pp. 179–201.

Abstract: The article is devoted to a scientific seminar dedicated to the 100th anniversary of the October Revolution of 1917 held in Beijing on June 5, 2017, with the participation of historians of St. Petersburg State University, as well as historians, economists and political scientists from various scientific and educational institutions of China. Professors of the Institute of History and the Faculty of Oriental Studies took part in the seminar on behalf of St. Petersburg State University. The Chinese side was represented by experts from the Chinese Academy of Social Sciences, the Renmin University of China, Beijing Normal University, East China Normal University in Shanghai, various departments of the CPC Central Committee and other organizations. Li Fengling, the Chinese Ambassador to Russia in 1995-1998, also contributed a lecture. The seminar was organized by the Center for the Study of Russia of the Renmin University of China and St. Petersburg State University, which was opened on September 2, 2015 in Beijing with the participation of the Russian and Chinese Vice-Premiers. During the seminar Russian and Chinese experts made presentations on various issues of the history of the Great Russian Revolution, as well as on issues that Russian and Chinese societies are facing now in the light of the centenary of the events of 1917. Summing up the results of the seminar, the speakers unanimously noted that the Great Russian Revolution had a huge impact on the entire course of the world history.

Keywords: seminar, Russia, China, Renmin University of China, Revolution, 1917.

Authors: **Samoylov N. A.** — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); n.samoylov@spbu.ru | **Khodjakov M. V.** — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m.khodyakov@spbu.ru | **Yanchenko D. G.** — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); d.yanchenko@spbu.ru

References:

- Akademik P. V. Volobuev. Neopublikovannye raboty. Vospominaniya*, Part 1 (Moscow, 2000).
- Belyaev S. G. *P. L. Bark i finansovaja politika Rossii (1914–1917 gg.)* (St. Petersburg, 2002).
- Bereznyi L. A. 'Kitaj v XX veke: alternativy. Istoriograficheskie zametki', *28-ja nauchnaja konferencija "Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae": tezisy i doklady*, Vol. 1 (Moscow, 1998).
- Buldakov V. P. *Krasnaja smuta: priroda i posledstviya revoliucionnogo nasilija* (Moscow, 1997).
- Davies R. W., Khlevnyuk O., Wheatcroft S. G. *The industrialization of Soviet Russia*, Vol. 6. *The years of progress* (New York, 2014).
- Eliseev A. 'Ekonomika nacionalnoj Rossii', *Era Rossii*, no. 9 (40), August, 1999.
- Florinskij M. F. *Krizis gosudarstvennogo upravlenija v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (Sovet ministrov v 1914–1917 gg.)* (Leningrad, 1988).
- Ganelin R. Sh. *V Rossii Dvadcatogo veka: statyi raznykh let* (Moscow, 2014).
- Goldin V. I. *Intervencija i antibolshevistskoe dvizhenie na Russkom Severe, 1918–1920* (Moscow, 1993).
- Istorija Grazhdanskoj vojny v SSSR*, Vol. 1, *Podgotovka Velikoj proletarskoj revoljucii (ot nachala vojny do nachala oktjabrja 1917 goda)* (Moscow, 1935).
- Kafengauz L. B. *Evoljucija promyslennogo proizvodstva Rossii (poslednjaja tret' XIX — 30-e gody XX v.)* (Moscow, 1994).
- Markevich A., Harrison M. *Pervaja mirovaja vojna, Grazhdanskaja vojna i vosstanovlenie: nacionalnyj dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* (Moscow, 2013).
- Markevich A., Harrison M. 'Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928', *The Journal of Economic History*, vol. 71, no. 3, 2011.
- Meliksetov A. V. 'Istoricheskoe znachenie Sinkhajskoj revoljucii v Kitae', *Kitaj v novoe i novejshee vremja* (Moscow, 1981).
- Muravyeva L. A. 'Poslednij ministr finansov Rossijskoj imperii', *Finansy i kredit*, no. 40 (616), 2014.
- Naftali T., Fursenko A. *One Hell of a Gamble: Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964* (New York, 1997).
- 'Nation-Building and History Education in a Global Culture', Ed. Zajda J., *Globalization, Comparative Education and Policy Research*, vol. 13, 2015.
- Puchenkov A. S. *Ukraina i Krym v 1918 — nachale 1919 goda: Oчерki politicheskoj istorii* (Moscow — St. Petersburg, 2013).
- Ratkovskij I. S. *Khronika belogo terrora v Rossii. Repressii i samosudy (1917–1920 gg.)* (Moscow, 2017).
- Revoljucija i Grazhdanskaja vojna v Rossii. 1917–1922 gg.*, photo album (Moscow, 2016).
- Rosenthal R. *Loodearmee* (Tallinn, 2006).
- Sidorov A. L. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* (Moscow, 1973).
- Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China* (Cambridge, 1991).
- Smolin A. V. *Beloe dvizhenie na Severo-Zapade Rossii* (St. Petersburg, 1999).
- Sobolev G. L. *Proletarskij avangard v 1917 godu: revoliucionnaja borba i revoliucionnoe soznanie rabochikh Petrograda* (St. Petersburg, 1993).
- Sobolev G. L. *Tajna "nemeckogo zolota"* (St. Petersburg — Moscow, 2002).
- Sobolev G. L. *Tajnyj sojuznik. Russkaja revoljucija i Germanija. 1914–1918* (St. Petersburg, 2009).
- Startzev V. I. *Tajny russkikh masonov*, 3rd ed. (St. Petersburg, 2004).
- Tihvinskij S. L. 'O sootnoshenii nacionalnogo i socialnogo voprosov v Sinkhajskoj revoljucii', *Kitaj v novoe i novejshee vremja* (Moscow, 1981).
- Tsukanov A. "U Obraza", *Nash sovremennik*, no. 11, 1990.
- Vlast i reformy. Ot samodержавnoj k Sovetskoj Rossii*, Ed. B. V. Ananyich (Moscow, 2006).
- Volobuev P. V. '1917 god: byla li alternativa?', *Oktjabr 1917: velichajshhee sobytie veka ili socialnaja katastrofa* (Moscow, 1991).
- Zvyagin S. P. *Pravookhranitelnaja politika A. V. Kolchaka* (Kemerovo, 2001).